

УДК 811.112.2, 373.23

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
(на базе немецких антропонимов)**

© 2009 г.

Т.В. Шенкнехт

Алтайская академия экономики и права, г. Барнаул

schenk2002@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2009

Исследуется лингвистическое прогнозирование, его социально-психологическое основание на основе использования в речи немецких антропонимов. Рассматривается речевое поведение, обусловленное личностями коммуникантов, социальными факторами. Учет социально-психологического подхода расширяет процесс понимания и способствует успешному межличностному общению, позволяет получать информацию о коммуникантах, их статусе и взаимоотношениях.

Ключевые слова: лингвистическое прогнозирование, антропоним, социально-психологические основания, личность, личностный смысл эмоций.

Философские и логические подходы к анализу номинаций позволяют констатировать наличие связи законов и принципов логики и философии с процессом прогнозирования. Однако речь, речевое поведение, формы именования в том числе, нельзя оценивать лишь с точки зрения логичности и аргументированности, поскольку ситуация реального речевого общения представляет собой сложное образование со множеством элементов, анализ которых должен происходить комплексно. Как известно, речь включена во всю жизнедеятельность личности, практически во все его социальные и личностные контакты. С другой стороны, речь сама является деятельностью, формой активности человека, которая порождается потребностями, мотивами. Поэтому явления речи должны рассматриваться в контексте природных и социальных закономерностей жизни человека, необходимо учитывать и мыслительные операции, совершаемые самими коммуникантами.

Речевое общение обязательно предполагает наличие не менее двух партнеров – коммуникантов, каждый из которых обладает своими индивидуальными особенностями, своим набором когнитивных совокупностей, оказывающих влияние на коммуникацию. Именно поэтому нельзя отграничивать лингвистику от психологического подхода, поскольку любое высказывание детерминировано личностью говорящего и личностью воспринимающего, что свидетельствует о необходимости учёта психологического фактора при разработке процессов лингвистического прогнозирования.

Речь сама по себе является психологическим процессом и связана с мышлением, восприятием, вниманием, памятью, воображением. Все названные процессы влияют на её рождение и восприятие, постоянно присутствуют в коммуникации и являются составляющими речевого поведения. В процессе общения в различных вариантах имён отражается психическое состояние коммуникантов, элементами которого являются эмоции, чувства, потребности, мысли, воображение, способности и ряд других категорий, обуславливающих и регулирующих поведение человека. Всё происходит через человека, через его чувства. Как замечал Локк: «Нет ничего в интеллекте, чего не было бы в чувствах». Поэтому правомерно говорить о наличии психологического компонента в лингвистическом прогнозировании, в процессе которого речевое поведение должно подвергаться всестороннему анализу, а именно с учётом логико-философского и психологического факторов.

Не являются абсолютно произвольными и случайными, как это может показаться на первый взгляд, номинации, используемые коммуникантами в речи. В любой деятельности, а общение является таковой, присутствует мотив, цель, потребность. В процессе коммуникации исходная цель может претерпевать изменения, связанные с переходом от вероятности к определённости. Кроме того, она формируется под необходимым влиянием общественных норм и требований, но не сводится к ним. Цель является моделью вероятного будущего. Однако в ходе осуществления

она конкретизируется и обретает черты определённости. В процессе формирования цели человек оценивает вероятность событий, связанных с деятельностью, и делает выбор. Затем он направляет все усилия на то, чтобы осуществилась именно выбранная вероятность. Цель, таким образом, выступает в роли определённой детерминанты его деятельности и поддается прогнозированию, что может быть показано на следующем примере.

(1) «Ich habe in der Stadt einen schönen karierten Stoff gefunden, ganz billig, sechs Mark achtzig der Meter. Renate hat mir versprochen, dass sie mir ein Sommerkleid macht».

«Warum machst du es nicht selber?», sagt Eva. „Wozu musst du immer noch zur Schmidhuber? »

«Sag nicht immer «die Schmidhuber». Sag «Tante Renate».

«Sie ist nicht meine Tante» [1, с. 17].

Разговор происходит между дочерью и матерью, которые говорят о третьем лице *Renate Schmidhuber*. Мать настаивает на том, чтобы дочь называла её лучшую подругу *Tante Renate*. Однако дочь намеренно не употребляет данное именование, а называет её по фамилии, ставя перед собой определённые цели и мотивируя это тем, что названное лицо не является её тетей в прямом смысле. Истинная цель дочери видится в желании подчеркнуть неуважение и неприязнь к номинату, к которому она испытывала негативные чувства. Другой причиной употребления подобного именования является стремление дочери позлить мать, вызвать её на конфликт.

Прогнозирование при употреблении определённой формы именования включает в себя постановку цели, планирование и программирование речевого поведения, процесс принятия решения и контроль.

Интересной представляется теория Найсера У., который исследовал предвосхищающие схемы, представляющие собой «своего рода планы для перцептивных действий» [2, с. 42]. Результатом является выделенная информация, модифицирующая исходную предвосхищающую схему, которая направляет дальнейшее восприятие. Восприятие и поведение зависят от индивида и контролируются во взаимодействии со средой, в которой субъект, осуществляющий прогноз, должен разбираться хорошо [2, с. 196]. Иными словами, необходимо знать схемы и намерения другого человека, чтобы догадаться о его поступке, что является трудным, поскольку эти схемы не проявляются в явном виде и увидеть их не-

возможно. Подобные прогнозы оказываются достаточно надёжными только в более или менее знакомых ситуациях, поскольку схемы формируются в опыте, который у каждого человека свой в силу уникальности когнитивных структур. Однако во многих ситуациях повседневной жизни предсказывание поведения друг друга не составляет труда. Процесс понимания облегчает тот факт, что люди живут в рамках организованной культуры, где приходится иметь дело с более или менее стандартизированным социальным опытом. Эти устанавливаемые культурой схемы опосредуют восприятие поведения других людей, а также лежат в основе самого поведения. Они как раз и отражают тот уровень предсказуемости, который требует и создает эта культура [2, с. 198], что даёт основание говорить о некоторых закономерностях, причинах именовании, обусловленных культурными и ментальными особенностями.

(2) «Ich danke, Herr Doktor, dass Sie mich empfangen haben» [3, с. 61].

Номинант (корреспондент) употребляет антропоним *Herr Doktor* по отношению к учителю, что является вполне закономерным, логичным и ожидаемым в подобной ситуации, поскольку данное обращение считается конвенциональным в указанной социальной сфере немецкого коммуникативного пространства. Процесс именовании, также как и другие стороны человеческой жизни, регламентируется целой системой законов, правил, традиций, норм.

В процессе прогнозирования значительную роль играет опыт, прошлое, социальный фактор. С.Г. Геллерштейн отмечал проявление антиципации в предвидении поступков других людей, основанном на не всегда осознанном знании логики эмоций и вытекающих из них поступков. С.Г. Геллерштейн отмечал, что «...ни одно суждение, ни один акт мышления не строятся каждый раз заново, они несут в себе прошлое... В действиях же отражаются не только раздражитель в собственном значении этого слова, но и еще не оформившиеся изменения в обстановке, подчас дающие о себе знать как бы намёками – в виде предвестников, – о едва уловимых очертаниях ближайшего будущего...» [4, с. 146]. Это своего рода социальные ожидания, которые группа предъявляет по отношению к поведению каждого её члена. Наличие конвенциональных ожиданий относительно поведения партнёра делает ситуацию общения прогнозируемой. Большое значение имеет тот факт,

что партнёры по общению могут осознавать ожидания другого и строить свое поведение в соответствии с ними. При этом продуктивность общения отчасти определяется тем, какие ожидания предъявляют друг к другу партнеры и насколько адекватно они осознают ожидания друг друга. Наличие конвенциональных ожиданий при употреблении антропонимов можно продемонстрировать на следующем примере.

(3) Johannes fragte: «In der Rhön? Was ist das?»

Hochwürden Kalckreuth sagte: «Dein Geographieunterricht scheint ja nicht besonders zu sein, *mein Sohn*» [5, с. 136].

В данной ситуации именование может рассматриваться как асимметричное, поскольку номинант не приходится сыном номинату. Разговор происходит между пастором церкви и мальчиком. Однако подобная номинация является ожидаемой в указанной сфере коммуникации, поскольку обычно, называя других, служители церкви используют обращения *mein Sohn*, *meine Tochter*. Те номинации, которые не отвечают данным условиям, не являются принятыми и конвенциональными в какой-либо сфере коммуникации. Так, например, если в официальной сфере принято использовать полные формы имён и обращение *Herr*, то их использование в неофициальной ситуации несет некое значение и, как правило, свидетельствует о наличии коннотаций со знаком «-», что показывает следующая ситуация.

(4) «Damit wir klarsehen, *mein Sohn*, als Strafe vierzehn Tage kein Fernsehen», sagte der Vater, «spielen mit dem Hasen Hannibald ist verboten, Ausgang ist verboten, Taschengeld ist für vierzehn Tage gestrichen...»

«Jetzt ist es aber genug», rief die Mutter.

«Das ist noch lange nicht genug. Hast du dich selber schon beschwert über die Jungs, zu denen *unser Herr Sohn* nun gehört, was haben die schon alles angestellt. Denk nur mal dran» [6, с. 17].

Обращение *mein Sohn*, которое является приемлемым и употребительным в сфере религиозного общения, в данной ситуации не является нейтральным и ожидаемым, поскольку обычно номинат (отец) использует по отношению к именуемому (сыну) другие варианты антропонимов, а именно его личное имя. Однако в данном случае номинация *mein Sohn* свидетельствует о недовольстве отца сыном, что подтверждает и весь контекст. Кроме того, номинант называет номината *un-*

ser Herr Sohn. Данное именование позволяет прогнозировать чувства отца, его позицию по отношению к сыну, а именно его неприятие действий номината, свидетельствующее, скорее всего, о высокомерии, эгоизме последнего, желание поставить мальчика на место. Местоимение *unser* перед номинацией позволяет прогнозировать тот факт, что говорящий включает в ситуацию общения третье лицо (мать), подчеркивая её ответственность за поведение сына. Из сказанного следует, что информация, служащая основанием прогнозирования, приобретает коммуникантами в процессе накопления опыта общения в различных ситуациях и хранится в памяти в виде неких эталонов, стереотипов, когнитивных схем. Воспринимая формы именованного, реципиент соотносит их с имеющимися эталонами и строит прогноз. Если номинации ожидаемы, то они являются, скорее, нейтральными. В противном случае они обладают некоторыми коннотациями, нередко негативными.

Однако следует заметить, что прогнозирование связано не только с понятиями ожидания и прошлого опыта, но и с эмоциями, эмоциональными реакциями коммуникантов, для декодирования которых необходимо знание логики эмоций и вытекающих из них поступков. Речь, скорее, должна идти не просто об эмоциях, а о сиюминутном психическом состоянии, которое через общение, в том числе посредством определенных форм именованного, представляют коммуниканты, когда на основе внешних средств (антропонимов) появляется возможность прогнозировать внутренние (скрытые от других мысли, чувства) психологические состояния, что с определенной долей вероятности поддается прогнозированию и должно учитываться при получении выводного знания. Существование подобных скрытых, но прогнозируемых процессов межсубъектного взаимодействия давно привлекает лингвистов, поскольку речевое поведение сигнализирует о психологическом состоянии говорящего, являющегося индикатором личности говорящего и слушающего. Поэтому при анализе ситуации необходим учёт личностного фактора. Коммуниканты – это участники коммуникативного акта, обладающие своими определёнными знаниями, представлениями, особенностями. Нельзя забывать о том, что речь в данном случае идёт не только об отправителе речи, но и о реципиенте, т.е. о номинанте и номинате, которые связаны направляемыми и принимаемыми формами именованных. Каждый из участников общения ста-

новится то говорящим, то слушающим, как в следующей ситуации.

(5) «Aber Egon machte ihr gegenüber eine drohende Gebärde und rief: «Halt du bloß deine Maul, sonst knall ich dir ein paar, *du dumme Ziege*».

«Hau du ab», sagte Kurt ruhig, «*du Vorstadtdieb*. Sonst zeigen wir euch tatsächlich an» [6, с. 148].

Данная ситуация показывает смену ролей номинанта и номината, поэтому психологический фактор должен охватывать всех участников коммуникации «в момент проявления их субъектных, личностных, индивидуальных и универсальных свойств в системе взаимосвязей и взаимоотношений друг с другом и с обществом в целом, с его историческими и нравственными устоями» [7, с. 66]. Говорящая личность должна рассматриваться как человек, обладающий своей позицией, своими мировоззрением и отношением к жизни, к которым он шёл всю свою жизнь и которые являются результатом его взаимодействия с определённой средой.

В структуре личности возможно выделение нескольких компонентов. В настоящем исследовании в процессе прогнозирования предлагается принимать во внимание следующие свойства личности:

- 1) физиологические (пол, возраст);
- 2) социальные (образование, образ жизни, статус, среда обитания);
- 3) личностные или индивидуальные (характер, способности);
- 4) ментальные или интеллектуальные (прошлый опыт, знания, верования, стереотипы, ценности);
- 5) психические или эмотивные (особенности эмоционального состояния, проявляющиеся непосредственно в момент речи).

Физиологические характеристики коммуникантов являются важными для прогнозирования. Их гендерные особенности проявляются в том, что при выборе вариантов именования женщины менее категоричны, чем мужчины. Они реже употребляют обидные номинации, прозвища. Однако они более эмоциональны и нередко в их речи встречаются эмоционально насыщенные окказиональные антропонимы. Мужчины же более прямолинейны.

Возраст коммуникантов откладывает отпечаток на те варианты именований, которые ими употребляются. Возрастные особенности связаны не только с изменением во времени биологических свойств человека, но и с изме-

нением его взаимоотношений с окружающим миром, что часто проявляется в регламентации коммуникативной лексики. В речи детей и подростков встречается большое количество окказиональных именований, прозвищ, которые зачастую употребляются неосознанно. Взрослые употребляют более мотивированные и конвенциональные формы антропонимов, однако это не значит, что они совсем не используют другие варианты. В следующей ситуации общение происходит между детьми.

(6) Die Herde am Teich wird aufmerksam. Sie stimmt in das Gesicht des kleinen Kubaschk ein: «*Sitzenbleiber – Schweinetreiber!*» Auch die ganz kleinen Kinder schreien: «*Sitzenbleiber – Schweinetreiber!*»

«*Modderunken, Schlammbeißer, Teichkröter!*» schrie ich [8, с. 121].

Коммуниканты – дети, что и нашло отражение в использовании обидных форм именований, несущих негативное значение. В ситуации, приведённой ниже, общаются взрослые люди.

(7) «Ich halte mich nicht gern zusammen mit einem Mörder in einem Zimmer auf», entgegnete sie.

«Wie meinst du das, *Thea?*»

«Hör auf mit dem Theater, *Stefan*. Du weißt sehr gut, wovon ich rede».

«Bist du verrückt geworden? Ich ... ein Mörder?» [9, с. 192].

В приведённой ситуации коммуникация происходит между взрослыми людьми, которые, несмотря на негативные чувства друг к другу, используют при обращении нейтральные формы антропонимов.

Большое значение имеет социальный компонент, он должен учитываться при прогнозировании. Люди, имеющие образование и занимающие более высокий социальный статус, употребляют в основном конвенциональные формы антропонимов, прецедентные имена. И наоборот, варианты именований, встречающиеся в речи менее образованных коммуникантов, отличаются простотой понимания и нередко содержат различные коннотации, как правило, отрицательные. Так, например, героиня книги *Thea Oslar* употребляет в речи либо официальные, либо полуофициальные номинации, что свидетельствует о её высоком образовательном уровне и социальном статусе (адвокат). Лишь однажды она использовала антропоним *Du Mörder*, что позволяет прогнозировать её эмоциональное состояние в момент речи и тот факт, что номинат действительно является убийцей. Герои

книги “*Tinko*” являются простыми людьми, крестьянами и нередко употребляют окказиональные обращения, прозвища, связанные с конкретными действиями и имеющие, как правило, негативные коннотации. Дедушка главного героя использует, например, такие антропонимы, как *Papierschuster, Brillenaffe, alte Heultrine, Grünfrosch, Biester, dummer Kerl* и др. Социальная среда, образ жизни коммуникантов накладывает отпечаток на те номинации, которые встречаются в речи. Коммуниканты имеют не только разный социальный статус, но и разные знания, которые зачастую у них не совпадают.

(8) Johanna Bock gestattete ungeachtet aller modischen Langhaarfrisuren und Schüttelschnitte ihrem Haar nie mehr als fünf Zentimeter Länge. Das war aber sicherlich nicht der Grund, weshalb Professor Frischauf sie *Jeanne d’Arc* nannte, wenn sie es nicht hören konnte. Vielmehr befahl einen bei ihrem Anblick eine seltsame Mischung aus Mitleid und Misstrauen. Um die Wahrheit zu sagen, es kam bei vorsichtigen Naturen in ihrer Gegenwart ein psychologisches Warnsystem in Gang. Ihr größter Fehler war ihr Fanatismus bei allen ihren Unternehmungen. Damit brachte sie die anderen in ihrer Umgebung nicht selten in Schwierigkeiten, wodurch sie dann selbst in Schwierigkeiten geriet, was sie stets ganz unvorbereitet traf [10, с. 17-18].

Автор сравнивает Джоанну Бок (Johanna Bock) с Жанной Д’Арк, знаменитой национальной героиней Франции, имя которой используется как непосредственное именование адресата. Для понимания и прогнозирования причин подобной номинации необходимо владеть культурологической информацией. Употребление прецедентного имени Жанны Д’Арк позволяет прогнозировать ряд особенностей, свойств и адресанта, и адресата. Адресант – человек умный, начитанный, эрудированный, знающий историю, о чём свидетельствует сделанное им сравнение. Адресат – человек, имеющий сходство с первичным референтом. Это может быть сходство по внешности (Жанна в силу особенностей своего рода занятий носила мужскую одежду и имела короткую стрижку), сходство характера (Жанна была одержима идеями до фанатизма, храбрая, смелая). Актуальным при сравнении является либо один из названных признаков, либо весь комплекс признаков, при этом одни атрибуты могут занимать центральное положение, а другие находиться на периферии. Подтверждение высказанных предположений находится в контексте, о чём свидетельствуют

следующие лексемы: «*gestattete ungeachtet aller modischen Langhaarfrisuren und Schüttelschnitte ihrem Haar nie mehr als fünf Zentimeter Länge*» (несмотря на моду на длинные причёски, её волосы были очень короткими), «*Ihr größter Fehler war ihr Fanatismus*» (ей был присущ необыкновенный фанатизм), «*bei allen ihren Unternehmungen brachte sie die anderen in ihrer Umgebung nicht selten in Schwierigkeiten*» (при этом все, кто был связан с ней, попадали в сложные ситуации). Таким образом, сравнение в данном случае происходит на основании целого ряда признаков, при этом доминантным является фанатизм и исходящие из этого трудности у неё самой и окружающих её людей. Тем самым, автор номинации даёт именуемому оценку, которая не является однозначно положительной, скорее он осуждает и жалеет её за чрезмерное увлечение своими идеями, приводящими не всегда к позитивным исходам. Правильное декодирование подобных номинаций возможно только при совпадении когнитивных баз коммуникантов. В том случае, если этого не происходит, между общающимися не будет достигнуто взаимопонимание.

Не менее актуальными при прогнозировании являются эмотивные элементы, которые рассматриваются как спорадические, психологически обоснованные явления, проявляющиеся в момент речи. Эмотивность связана с эмоциями, которые проникают во все сферы, затрагивают, активизируют их и являются постоянным спутником человека, оказывающим влияние на все его деяния и мысли. Под эмоциями обычно понимают процессы, отражающие в форме переживания личную значимость внешних и внутренних ситуаций для жизнедеятельности человека и их оценку, которая субъективна и находится в зависимости от психологического статуса говорящего, что демонстрирует такие факторы, как отношения отправителя к адресату, к объекту и прагматический фактор. Существование эмоций рассматривается как объективный факт и находит отражение в языке, одной из основных функций которых является передача эмоционального отношения к тому или иному событию, факту, предмету, явлению окружающего мира или лицу. Номинации отражают то, что актуально для говорящего в момент речи. На первый взгляд может показаться, что процесс именованного происходит спонтанно и неосознанно. Однако это не совсем так. На основе функционирования различных вариантов антропонимов в речи возможно прогнозировать

лишь актуальную и значимую для номинанта информацию. При этом отражаемое содержание зависит не только от самого говорящего, но и от его позиции, его опыта, мотивов, целей и некоторых других факторов.

Эмоции выполняют функцию презентации личностных смыслов в сознании субъекта и тем самым регулируют деятельность. Нередко они не осознаются, и, тем не менее, они обязательно присутствуют в коммуникации. Речевые ситуации переживаются людьми всегда, и это не может не отразиться на их речи. Любой коммуникативный акт мотивирован каким-либо интересом: необходимостью высказывания, стремлением воздействовать на получателя/слушателя, потребностью к какой-либо информации и другими прагматическими причинами [11, с. 53]. Однако следует отметить, что эмоции отражают не объективные качества номинанта, а их субъективную оценку со стороны номинанта в момент речи. В основе эмоций лежит оценка, на основании чего эмоции принято делить на положительные (например, счастье, радость, любовь) и отрицательные (например, гнев, печаль, зависть), что требует дополнительного исследования. При прогнозировании на основе именовании необходимо учитывать эмоциональный фактор, поскольку он влияет и на выбор определённых форм антропонимов. Разные варианты антропонимов могут свидетельствовать об эмоциональном состоянии коммуникантов, что продемонстрировано в следующем тексте.

(9) Die Mutter fuhr fort: «Nun steht da. *Der Herr Sohn* steht auch da und denkt sich Ausreden aus. Die kenne ich alle!» [8, с. 67].

Именующий (мать) называет именуемого, используя именование *Herr Sohn*, что является не совсем обычным в данной ситуации общения, т.к. обычно в семье родители обращаются к детям, употребляют имена и его разные варианты. Кроме того, мать называет сына, но не обращается к нему напрямую, а говорит о нём в его присутствии как о третьем лице. Данные факты дают основание прогнозировать эмоциональное состояние именуемого, а именно его недовольство, негативное отношение к действиям объекта именованного. Таким образом, эмоциональное возбуждение является детерминантой поведения и дополнительным мотивационным фактором. Если эмоциональное возбуждение сильно, то оно дезорганизует поведение и заставляет коммуникантов делать то, что не является для них закономерным: совершать необдуманные поступки, использовать неадекватные окказио-

нальные именованья. Так, например, в следующей ситуации общаются два образованных человека, бывшие муж и жена.

(10) «*Du unsensible, militante Frauenrechtlerin!*»

«*Du schlapper Rentner!*»

«*Du inderliche Möchtegern – Emanze!*»

«*Du spätübertierender Gernegroß!*» [12, с. 215].

Оба употребляют окказиональные именованья, несущие негативные коннотации. В состоянии эмоционального возбуждения бывшие муж и жена называют друг друга, используя различные окказиональные именованья, которые мотивированы имеющимися действиями в субъективно-негативной интерпретации со стороны номинанта. Например, говорящий называет жену «*unsensible, militante Frauenrechtlerin*», «*inderliche Möchtegern – Emanze*», что прогнозирует её желание бороться за равные права женщин с мужчинами. Она в ответ использует номинации «*schlapper Rentner*», «*spätübertierender Gernegroß*». Номинат пожилой человек, пенсионер, медленно ходит, несколько честолюбив, старой закалки, что прогнозирует отсутствие его признания равенства между мужчиной и женщиной. Таким образом, оба употребляют окказиональные именованья, несущие негативные коннотации. Используя подобные именованья, коммуниканты делают это намеренно не только с целью унижить партнера, но еще и потому, что они друг от друга ожидают подобного поведения.

Говоря об эмоциях, необходимо отметить, что они отражают не объективные качества субъекта речи, но их значимость для самого говорящего, то, что актуально для него в данный момент. Существование эмоций и их вербализация являются объективным фактом, в любой коммуникативной ситуации. Человек не может не переживать события реальной действительности, и, следовательно, это должно найти отражение в языке. Субъект рассматривает действительность не такой, какая она есть на самом деле, а такой, какой она представляется субъекту, через сознание и чувства личности. Любое высказывание окрашено субъективностью, даже если эмоции явно не выражены, и в случае употребления нейтральной формы именованья, поскольку любому акту номинации свойственна определённая потребность, мотив, причины, субъективность и личностная пристрастность. Эмоциональные коннотации обязательно предполагают наличие субъекта, т.е. именуемого, и

объекта, т.е. именуемого. Речевые ситуации пропускаются говорящими через чувства, эмоции, что не могут не найти отражения в языке. «За каждым текстом стоит языковая личность, владеющая языковой системой» [11, с. 27].

Из сказанного следует, что в речи есть осознанные и неосознанные акты именования. Последние совершаются в результате воздействия эмоционального возбуждения, повышенных чувств, аффективных состояний. Нередко коммуниканты используют такие формы именований, о которых они впоследствии жалеют, поскольку часто эти варианты оказываются окрашенными в агрессивные, отрицательные коннотации, из чего следует, что в коммуникации все слова, в т.ч. номинации, обладают двойственной силой. С помощью речи можно управлять людьми и достигать желаемых целей. С другой стороны, неверно выбранная форма именования может нанести вред, вызвать неприязнь, неодобрение, неуважение. Неосознанными могут быть не только акты именования, но и сам процесс прогнозирования, поскольку переработка сенсорной информации свернута и проявляется в виде интуитивного предвидения, точность и глубина которых определяется субъективными характеристиками реципиента: знаниями, опытом, личностными особенностями. Можно говорить о психологической зависимости прогноза от личности реципиента, поскольку исследуемый процесс субъективен, зависим от личностного и социального факторов.

Сказанное позволяет утверждать, что интерпретация различных форм именований находится в прямой зависимости от социально-психологического фактора. Номинации могут интерпретироваться номинатом и номинантом по-разному, что зависит от эмоционального состояния коммуникантов при общении, от их интенций, от уровня их образованности и других моментов, описанных выше. Каждое именование индивидуально, и смыслы, которые в них вкладываются, многообразны, вследствие чего могут возникнуть некоторые затруднения. В процессе коммуникации важно наличие обратной связи между коммуникантами, которая обеспечивает взаимопонимание. Её отсутствие, напротив, ведёт в конечном счете к неудавшейся коммуникации, одна из основных причин которой кроется в игнорировании психологического подхода к анализу речи. Коммуниканты – это индивидуальности, каждая из которых по-своему воспринимает мир, оценивает реальность и про-

исходящее. Не менее важным видится фактор искренности/ неискренности, что влияет на адекватное прогнозирование. Если номинант не искренне употребляет определённый вариант антропонима, то выводы могут быть неверными. Однако контекст, выполняя диагностирующую функцию, позволяет установить параметры истинности через личностный фактор (психологические особенности говорящей личности).

Проведенный анализ свидетельствует о том, что речь связана с эмоциями и чувствами, сознательным и бессознательным, способностями и интеллектом, характером и темпераментом, потребностями и намерениями, мотивами и целью. Речевое поведение обусловлено такими социальными факторами, как культура, национальные особенности, этика, воспитание, обучение, межличностное общение. Субъективный прогноз, являющийся существенным фактором в организации коммуникации, имеет место и при планировании действий вообще, и при планировании речевой деятельности в частности. Прогнозирование носит вероятностный характер, поскольку мы не можем однозначно толковать психику человека в силу того, что некоторая её часть остается скрытой и непрогнозируемой. Нередко субъективная вероятность ожидаемого события не совпадает с объективной вероятностью его наступления в действительности. В этом случае можно говорить о степени адекватности прогнозирования. Для повышения эффективности предвидения субъект должен учитывать все факторы. Адекватное прогнозирование по своей сущности оказывается комплексным и многоплановым. Нельзя рассматривать язык в отрыве от логики, философии и психологии, т.к. они представляют собой суть развития природы, общества и индивида. В качестве одного из основополагающих подходов рассматривается социально-психологический. Его учет расширяет процесс понимания и способствует успешному межличностному общению, позволяя получать информацию о коммуникантах, их статусе и взаимоотношениях, не выходя за рамки высказывания.

Список литературы

1. Pressler M. Bitterschokolade. Berlin: Langenscheidt, 1992. 110 s.
2. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. 230 с.
3. Diggelmann W.M. Die Vergnügungsfahrt. Dresden, 1971. 275 s.

4. Геллерштейн С.Г. Действия, основанные на предвосхищении и возможности их моделирования в эксперименте // Материалы по проблемам инженерной психологии. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1966. Вып. 4. С. 142–154.
5. Nachbar H. Geschichten um Johannes // Nachbar H. Helena und die Heimsuchung. Gesammelte Erzählungen. Berlin: Aufbau – Verlag, 1981. S. 75–173.
6. Grün M. Von der Vorstadtkrokodile. Rowohlt: Taschenbuchverlag, 1995. 154 s.
7. Владимирская Л.М. Статус категории утверждения/ отрицания в современном немецком языке. Дис... д-ра филол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. 460 с.
8. Strittmatter E. Tinko. Berlin: Kinderbuchverlag, 1965. 352 s.
9. Fischer M.L. Wenn das Herz spricht. München: Pavillon Verlag, 2005. 220 s.
10. Königsdorf H. Meine ungehörige Träume. Berlin: Aufbau Verlag, 1981. 147 s.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
12. Lind H. Das Superweib. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1999. 400 s.

**SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PREMISES FOR LINGUISTIC PROGNOSTICATION
(BASED ON GERMAN ANTHROPONYMS)**

T.V. Shenknekht

The focus of the paper is on the analysis of linguistic prognostication and its social and psychological premises. The analysis is carried out on the basis of the use of German personal names in speech. Speech behaviour is determined by the speakers' personalities and by some social factors. The social – psychological approach permits to extend the process of understanding, contributes to the successful interpersonal communication, and provides the information about the communicants and their relations.

Keywords: linguistic prognostication, anthroponym, social and psychological premises, personality, personal meaning, emotions.